

ВЫХОД БУНИНА ИЗ ПАРИЖСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Сообщение А. Н. Дубовикова

Годы второй мировой войны Бунины провели на вилле Жаннет в Грассе, где они поселились, после того как покинули Париж, находившийся уже под угрозой фашистской оккупации. Эти годы были для Бунина вдвойне трудными, порой даже мучительными. К материальным невзгодам, которые особенно усилились после захвата гитлеровцами и их итальянскими союзниками юга Франции, присоединялась острая тревога за судьбу родной страны, подвергшейся нападению фашистских полчищ. За 20 лет жизни в эмиграции Бунин никогда не забывал, что он русский, но теперь, когда русский народ оказался перед лицом смертельной опасности, чувство кровной связи с ним особенно обострилось. Когда же Советская Армия добилась перелома в ходе войны, когда оборонительные бои сменились наступательными и, особенно, когда советский народ изгнал последнего гитлеровца со своей земли и уже близилась долгожданная победа, патристические чувства разгорелись в душе Бунина необычайно сильно. При этом враждебное отношение ко всему советскому, пронесенное им через долгие годы жизни на чужбине, оказалось во время войны приглушенным, отступило куда-то в глубь сознания, хотя и не исчезло, не могло исчезнуть совсем. Это новое для Бунина, несколько парадоксальное душевное состояние имел в виду он сам, когда в дни подготовки Тегеранской конференции говорил А. В. Бахраху: «Нет, вы подумайте, до чего дошло — Сталин летит в Персию, а я дрожу, чтобы с ним, не дай бог, чего в дороге не случилось»¹. Нет сомнения, что эти слова были сказаны Буниным совершенно искренно, как искренен он был и в феврале 1945 г., когда писал А. П. Ладинскому, что он горячо радуется «победам России и союзников»². А 23 апреля того же года, когда уже стало известно, что советские войска вступили в Берлин и ведут там уличные бои, Бунин писал в Париж своим давним друзьям Я. Б. и Л. А. Полонским: «Милые друзья, надеемся быть в Париже 1 мая. Поздравляю с Берлином. „Mein Kampf!...“ Повоевал, так его так! Ах, если бы поймали да провезли по всей Европе в железной клетке! Сердечно обнимаю. Ваш Ив. Б.»³.

В Париже, который был освобожден еще в августе 1944 г., восстанавливалась нормальная общественная жизнь. Здесь вновь кипели политические страсти, спорили и боролись между собой различные партии и общественные группировки. Резкое размежевание происходило и в среде русской эмиграции. К этому времени образовалось довольно значительное левое крыло, включавшее в себя и эмигрантов старшего поколения и молодежь, родившуюся вдали от русской земли. Этих людей объединяли патристические чувства, готовность сотрудничать с представителями Советского Союза во Франции, желание стать советскими гражданами и при первой возможности возвратиться на родину (что и удалось осуществить некоторым из них). Идейным центром этой просоветской части эмигрантов стал созданный 1 октября 1944 г. «Союз русских патриотов» (позднее «Союз советских граждан»), а его органом газета «Русский патриот»; с весны 1945 г. ее заменили «Русские новости» — газета, вокруг которой группировались более широкие слои прогрессивно мыслящих эмигрантов. На крайнем правом фланге эмиграции сосредоточились все те, кого история ничему не научила, кто по-прежнему люто ненавидел все советское и продолжал с бессильной яростью нападать на СССР. Рупором этих кругов явилась газета «Русская мысль», начавшая выходить с апреля 1947 г.⁴

Несмотря на преклонный возраст Бунина (осенью 1945 г. ему исполнилось 75 лет) и на плохое состояние здоровья, он не мог замкнуться в обывательском равнодушии к тому, что происходило вокруг него. Но насколько ясной и последовательной была

ДОМ, ГДЕ В 1922—1953 гг. ЖИЛ
И УМЕР БУНИН

Париж, улица Жака Оффенбаха, 1

Фотография Н. Л. Крашенинниковой,
1971

позиция, которую он занимал накануне победы над гитлеровской Германией и в первые годы после этого исторического рубежа? Для исчерпывающего ответа на этот вопрос мы не располагаем еще всеми необходимыми материалами. Но наметить путь, по которому надо идти для его решения, позволяют и те немногие факты, которыми можно уже сейчас пополнить биографию Бунина.

Старого писателя, прошедшего годы войны в грасском уединении, в отрыве от парижской жизни, живо интересовало, конечно, что там происходит. В месяцы, предшествовавшие его возвращению в Париж, он получал оттуда информацию от своих друзей. Так, в марте 1945 г. Я. Б. Полонский отправил ему обширное письмо, в котором предупреждал о сложной обстановке, которую Бунин найдет в Париже: «Очень мы рады, что вы переедете в Париж. Вам никак нельзя больше там оставаться не только по состоянию здоровья: очень уж вы там оторваны от всего. Вам не хватает уверенности в самом себе, и эту уверенность вы, конечно, обретете снова в Париже. Воздух здесь все-таки другой и к вашему имени другое отношение. В вашем захолюстье вы как-то сами себя снижаете. Но Париж таит для вас лично и опасности, — это надо сказать с полной откровенностью. Не взыщите за непрошенные советы, но нам здесь многое виднее. Политическое безразличие сейчас невозможно больше, а особенно невозможно оно будет для вашего имени. Поэтому и невозможно безразличие [в смысле] по линии личных встреч и отношений, как раньше. Не знаю, достаточно ли ясно я выражаюсь, но какая-то линия проходит между людьми, к этому все теперь весьма и весьма чувствительны. Все определяется вчерашним отношением к России и к Германии. А вам нетерпимо никакое навязывание, вы определяете свое отношение к людям личными симпатиями. Тут-то и появятся сложности, которые могут поставить вас в деликатное положение»⁵.

Среди вопросов, которые волновали в это время Бунина и по которым он ждал советов от такого преданного и надежного друга как Полонский, был и вопрос о возможности возвращения на родину. Откликом на этот вопрос явились строки из того же

письма Полонского. Предостерегая Бунина от чрезмерного сближения с «Русским патриотом», он писал: «Вы, вероятно, полагаете, что при содействии „Русского патриота“ легче вернуться домой. Думаю, что этот способ возвращения не для вас. Вам, конечно, надо, если не окончательно вернуться домой, то уж во всяком случае съездить туда на побывку...»⁶

1 мая 1945 г. Бунины приехали в Париж и поселились на прежней своей квартире в доме № 1 по улице Жака Оффенбаха. Если в довоенном Париже Бунин жил довольно замкнуто и был связан почти исключительно со своими старыми друзьями по эмигрантской судьбе, то теперь в его жизни явилось много нового. Он не только возобновляет прежние связи среди эмигрантов, но и встречается с сотрудниками советского посольства во Франции. Он систематически сотрудничает в «Русских новостях» (как и некоторые из близких ему литераторов — А. В. Бахрах, Л. Ф. Зуров и др.). Здесь в 1945—1947 гг. было напечатано шесть рассказов из цикла «Темные аллеи», стихотворение «Дни близ Неаполя...», некролог «Памяти П. А. Нилуса», полемическая заметка «Панорама» и др.

О новых настроениях Бунина в эти первые послевоенные годы говорит и его интерес к советской литературе, высокая оценка им произведений Твардовского, Паустовского, Катаева, и возобновление переписки с Телешовым, и пересылка в Москву некоторых своих книг для возможного переиздания их в СССР, и высказанное им желание «чтобы его архив, рано или поздно, хранился в России»⁷.

В 1946 г. Бунин получил от Эльзы Триоле в подарок ее книжку, изданную еще в подполье (см. ее воспроизведение на стр. 403), — что свидетельствует о встречах Бунина с французской писательницей, коммунисткой, участницей Сопротивления⁸; не исключено, что Бунин встречался тогда и с другими деятелями этого движения — таким встречам могла способствовать его слава большого русского писателя, его репутация человека, не запятнавшего себя в годы войны сотрудничеством с оккупантами.

14 июня 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР издал «Указ о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». Опубликование этого Указа всколыхнуло всю массу русских эмигрантов. Много откликов на это событие было напечатано в «Русских новостях» — среди них и мнение Бунина, сдержанное, но совершенно определенное по своей сути. На вопрос сотрудника редакции: «Как вы относитесь к Указу 14 июня, Иван Алексеевич?» Бунин ответил: «Позвольте быть кратким, тем более что двух мнений об этом акте быть не может. Конечно, это очень значительное событие в жизни русской эмиграции — и не только во Франции, но и в Югославии и Болгарии. Надо полагать, что эта великодушная мера советского правительства распространится на эмигрантов, проживающих и в других странах»⁹.

Об интересе Бунина к Указу и к вопросам его практического применения говорит и то, что он присутствовал на открытом собрании русских парижан, посвященном разъяснению Указа. Первое такое собрание с докладом посла СССР во Франции А. Е. Богомолова состоялось 30 июня 1946 г. в зале Иена. 21 июля в зале Мютюалите было проведено второе собрание. После доклада посла с чтением своих военных стихов выступили советские писатели — Константин Симонов и Илья Эренбург. Бунин присутствовал на этом собрании — тогда же он познакомился с Симоновым, о чем последний подробно рассказал в своих воспоминаниях¹⁰. Симптоматично и то, что Бунин принял приглашение советского посла и имел с ним беседу — поступок немалый для Бунина, каким он был в первые два десятилетия эмигрантской жизни. Мы не знаем во всех подробностях содержания этой беседы — опубликованная в книге А. К. Бабореко позднейшая ее запись со слов А. Е. Богомолова слишком кратка (да и, вероятно, он был не во всем точен)¹¹, — но важно подчеркнуть, что в ходе этой беседы обсуждался вопрос о возвращении Бунина в СССР.

В сущности, Бунин был тогда психологически подготовлен к этому важному шагу и обдумывал его как некую возможную реальность. Но осуществить этот шаг Бунин, как известно, не смог. И причин тому было много. Возвращению на родину

препятствовали субъективные трудности — болезни и преклонный возраст, гордость, не позволявшая ему ехать на родину «как Куприн», чтобы только умереть там, страх утратить свою художническую «независимость», наконец, естественная инерция, выработанная двадцатипятилетним эмигрантским существованием. Но немалую роль в этом сыграли и трудности объективные — то давление со стороны правых кругов эмиграции, в том числе со стороны некоторых старых друзей, которому подвергался тогда Бунин.

На его встречи с советскими людьми, на его контакты с официальными представителями Советского государства в Париже «правые» смотрели со все возрастающей тревогой, ибо всем было понятно, какой морально-политический урон старой эмиграции был бы нанесен в случае отъезда Бунина в Советский Союз. В эмигрантской печати появлялись статьи и заметки, предостерегавшие Бунина от «опасного» шага, его отговаривали и друзья, жившие за океаном, и некоторые из старых приятелей в Париже. В конце концов противодействующие силы (внутренние и внешние) одержали верх: Бунин отказался от мысли о возвращении, взял эмигрантский паспорт и до конца дней своих остался юридически человеком без отечества, «анатридом»¹². Но правые эмигранты не простили ему «неосторожных шагов», которые были сделаны им в недавнее время. А независимость поведения Бунина продолжала навлекать на него и позднее нападки с их стороны.

В этой связи немалый интерес представляет эпизод с выходом Бунина в ноябре 1947 г. из эмигрантского Союза писателей и журналистов, который был учрежден в Париже в 1921 г. Бунин был его первым председателем¹³. Позднее он в течение многих лет состоял почетным членом Союза. Документальной основой для дальнейшего изложения служит папка писем, в которую входят:

1. Письмо Бунина к М. С. Цетлин 1 января 1948 г. (машинописная копия с правкой Бунина; адрес отправителя и дата вписаны им же);
2. Письмо В. Н. Буниной к М. С. Цетлин 1 января 1948 г. (незавершенная машинописная копия с авторской правкой и припиской, адресованной Л. А. и Я. Б. Полонским);

3. Письмо В. Н. Буниной к М. А. Алданову 13 января 1948 г. (автограф с карандашными пометками Алданова);

4. Письмо В. Н. Буниной к Л. А. Полонской 16 января 1948 г. (автограф)¹⁴.

Первые два письма были посланы в Париж Полонским со следующей сопроводительной запиской от 12 января 1948 г.: «Милые друзья, это для вашего архива, в пакет с надписью: „Роковая судебная ошибка, вследствие которой Бунин чуть не угодил на каторгу“. Целую вас и наше дорогое дитя. Ваш Ив. Б.» Из этой невеселой иронической записки видно, что Бунин рассматривал посылаемые тексты как некий «оправдательный» документ, имеющий не узко личное, но общественное значение, — именно поэтому посланные копии должны были быть сохранены в архиве его друзей.

К концу 1946 г. в Союзе писателей и журналистов создалось положение, вызвавшее глубокий кризис этой организации. В результате той дифференциации русской эмиграции, о которой мы уже упоминали выше, и введения в действие Указа 14 июня 1946 г. в Союзе оказались люди совершенно разной политической ориентации, разных взглядов и убеждений. Главный водораздел проходил при этом между принявшими советское гражданство или занявшими просоветские позиции, и теми, которые продолжали упорно отстаивать традиционные для Союза враждебные всему советскому взгляды.

В этих условиях руководство Союза, в основном принадлежавшее к группировке «Русской мысли», решило изгнать из Союза «крамольников». 24 мая 1947 г. было созвано общее собрание, на котором правление поставило вопрос об исключении всех членов Союза, имеющих советское гражданство, — вопрос этот не был внесен предварительно в повестку дня и явился для многих неожиданностью. Предложение руководства натолкнулось на сильную оппозицию. Выступавшие против него (среди них были В. Н. Бунина и Л. Ф. Зуров) возражали против попытки внести политический раздор в профессиональный союз работников пера и указывали на то,

что устав Союза не предусматривает никаких ограничений национальности для его членов — исключение советских граждан было бы поэтому незаконным. Резолюция, предложенная правлением, не собрала требуемого большинства в две трети голосов¹⁵.

Тогда руководители Союза решили провести сначала через общее собрание изменение устава, а затем уже на его основании исключить советских граждан. При весьма сильной оппозиции, ценою не совсем благовидных приемов, руководство через некоторое время осуществило этот план и добилось поставленных целей. Советские граждане были исключены. Но вслед за этим группа членов Союза (из числа оставшихся) выступила с коллективным протестом и заявила о своем выходе из Союза, который вследствие этого превращался в очень узкую по своему составу организацию. Подписавшие коллективное заявление обратились с предложением присоединиться к ним и к Бунину, но он ответил им отказом. А через две недели Бунин вышел из Союза в индивидуальном порядке. До этого, в ноябре 1947 г., покинули Союз В. Н. Бунина, В. Л. Андреев, Бахрах, Зуров и др.

Этот поступок был не без основания воспринят в эмигрантской среде как прямое свидетельство солидарности с исключенными или с теми, кто покинул Союз по своей воле. В реакционных кругах эмиграции был предпринят настоящий поход против Бунина. Особенно непримиримыми при этом оказались некоторые влиятельные эмигрантские деятели, проживавшие в США. Среди них была и М. С. Цетлин, возглавившая антибунинскую кампанию, несмотря на то, что Бунины были связаны с нею и с ее умершим в 1945 г. мужем М. О. Цетлиным тридцатилетней дружбой. В 1920 г. они помогли Буниным перебраться из Белграда в Париж и поселили их на время в своем доме. Позднее Цетлины переехали в Нью-Йорк, откуда во время войны и после ее окончания оказывали Бунину материальную помощь.

Получая эту помощь, Бунин не предполагал, что он тем самым неизбежно оказывался в зависимости от заокеанских «благотворителей» — тем более неожиданным был урок, преподанный ему за то, что он осмелился пойти «против течения». Особенно резко и непримиримо выступила против Буниных М. С. Цетлин (статьи сказать, принявшая в мае 1946 г. американское гражданство). Ее письмо от 20 декабря 1947 г., которым она заявляла о решительном разрыве с Буниными, было начато прямым обвинением: «Вы ушли в официальном порядке из Союза писателей с теми, кто взяли советские паспорта». Далее она упрекала Буниных в том, что они «нанесли этим большой удар» эмиграции, и продолжала: «Я должна уйти от вас, чтобы *чуть-чуть* уменьшить ваш удар. У вас есть ваш жизненный путь, который вас к этому привел. Я вам не судья. Я отрываюсь от вас с очень глубокой для меня болью, и эта боль навсегда останется со мной. Разлюбить я вас не могу. Вы — мой милый Иван Алексеевич, над которым я себя никогда не поставлю. Я чувствую ваш крестный путь, как если бы вы были моим любимым братом»¹⁶.

Ни настойчиво повторяющиеся заверения в любви, ни многозначительное предостережение насчет «крестного пути» не помешали Буниным воспринять это письмо в его истинном смысле — как заявление совсем не дружеское, как обвинительную декларацию. Это видно из их ответов. Вот что писал М. С. Цетлин Бунин:

Villa Le Fournel, Chemin du Fournel,
Juan-les-Pins, A. M. 1 января 1948 г.

Дорогая Марья Самойловна, ваше письмо обращено и ко мне и к Вере, но Вера отвечает вам сама. Она ушла из Союза раньше меня и по соображениям другим, чем мои, и потому я пишу вам только о себе, однако и я должен сказать прежде всего, что тоже, так же, как и она, изумлен, поражен чрезвычайно тем, что вы это письмо к нам предали гласности с целью, очевидно, очень недоброй, переслали его мне незапечатанным через Зайцевых, а в Америке, как мы узнали это нынче, разослали его копию. Что же до содержания этого письма, то я поражен еще больше: вы написали его с какой-то непомерной страстностью, местами даже совер-

LAURENT DANIEL

*Эльза Триоле***YVETTE**RÉCIT DE 1943

BIBLIOTHEQUE FRANÇAISE

*Ивану Алексеевичу Бунину
мой последний незакон-
норожденный ребенок
Эльза Триоле***YVETTE***Январь 1946**Париж*ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЭЛЬЗЫ ТРИОЛЕ НА ПОВЕСТИ «YVETTE»
(Париж, 1944):«Ивану Алексеевичу Бунину мой последний незаконнорожденный ребенок. Эльза Триоле.
Январь 1946 г. Париж»Повесть была напечатана нелегально в типографии французского Сопротивления
Литературный музей, Москва

шенно непонятно для меня, сделали из мухи слона, а главное, поступили уж так несправедливо, так поспешно, не разузнавши, *как, почему и когда* я вышел из Союза. Мало того: вы приписали мне нечто совершенно противоположное тому, что я думал и думаю о соединении в Союзе советских граждан с эмигрантами! Вы мне пишете что-то фантастическое: «Вы ушли в официальном порядке из Союза *с теми, кто взяли советские паспорта*». Что за нелепость! Как вы знаете, в ноябре прошлого года Союз исключил из своей среды членов, взявших советские паспорта, и многие другие члены Союза тотчас напечатали коллективное письмо о своем выходе из него. И вот представитель этих членов явился ко мне и предложил мне присоединиться к их заявлению, а я присоединиться твердо отказался и как раз потому, что *считаю неестественным соединенье в Союзе эмигрантов и советских подданных*, меж которыми есть и такие журналисты, что, по своим убеждениям или по обязанностям, то и дело и всячески хулят, порочат в своей печати эмигрантов. *Недели через две* после того я тоже вышел из Союза, но единолично и, как явствует из предыдущего, в силу других своих соображений, а каких именно, легко видно из весьма краткого письма моего, что послал я для доклада Союзу на имя генерального секретаря его: ¹⁷

«Уже много лет не принимая по разным причинам никакого участия в деятельности Союза, я вынужден (исключительно в силу этого обстоятельства) сложить с себя звание почетного члена его и вообще выйти из его состава».

Письмо это было напечатано через некоторое время в парижской «Русской мысли», но слух о нем распространился раньше, и в «Русских ново-

стях» тотчас появилась заметка о моем уходе, голословность которой, верно, и заставила вас истолковать мой уход столь превратно. И все же вы поступили со мной, повторяю, уж слишком поспешно и опрометчиво. Теперь вы, думаю, уже прочли в «Русской мысли» письмо мое в Союз и раскаииваетесь в своей поспешности, обратив внимание на мои слова в нем: *«исключительно в силу этого обстоятельства»*. Почему я не ушел из Союза уже давным давно? Да просто потому, что жизнь его текла прежде незаметно, мирно. Но вот начались какие-то бурные заседания его, какие-то распри, изменения устава, после чего начался уже его распад, превращение в кучку сотрудников «Русской мысли», среди которых блистает чуть не в каждом номере Шмелев, участник парижских молебнов о даровании победы Гитлеру...¹⁸ Мне вообще теперь не до Союзов и всяких политиканств, я всегда был чужд всему подобному, а теперь особенно: я давно тяжело болен — вот и сейчас едва пишу вам, — я стар, нищ и всегда удручен этим морально и физически, помощи не вижу ниоткуда почти никакой, похоронен буду, вероятно, при всей своей «славе», на общественный счет по третьему разряду... Вы пишете, что «чувствуете» мой «крестный путь». Он действительно «крестный»! Я отверг все московские золотые горы, которые предлагали мне, взял десятилетний эмигрантский паспорт — и вот вдруг: «Вы с теми, кто взяли советские паспорта... Я порываю с вами всякие отношения...» Спасибо.

Ваш Ив. Б у н и н

В этом письме наше внимание обращает прежде всего общий его тон, необычный для Бунина с его непомерной гордостью и язвительностью. Главное в нем — стремление оправдаться, желание во что бы то ни стало доказать, что его выход из Союза не был вызван политическими разногласиями с его руководством. И в этом проявилась половинчатость, непоследовательность тогдашних позиций самого Бунина. Не желая оставаться в одном лагере с «непримиримыми» (в этом смысле весьма характерен выпад против «Русской мысли», не гнушающейся сотрудничеством Шмелева), он вместе с тем горячо отвергает мысль о возможной для него солидарности «с теми, кто взяли советские паспорта». Да, он действительно был не с ними, он, вероятно, в самом деле считал неестественным соединение в Союзе эмигрантов и советских граждан. Но когда он настойчиво повторяет утверждение, что его выход из Союза произошел «исключительно» по личным причинам, в этом позволительно усомниться...

Одновременно отосланное письмо В. Н. Буниной написано более смело и открыто — именно поэтому оно помогает глубже и яснее понять смысл происшедшего конфликта. А так как совершенно очевидно, что и Вера Николаевна и Бунин, выходя из Союза, действовали если не по одним и тем же, то во всяком случае по очень близким мотивам, то ее ответ представляет интерес и для понимания позиций самого Бунина. Приведем наиболее существенные места из этого письма.

1 января 1948 г.

Дорогая Марья Самойловна, очень трудно передать вам то впечатление, какое произвело на нас ваше письмо, и чувство оскорбления, что оно было послано через Зайцевых, а копия его разослана вами циркулярно в Америке, о чем мы получили сегодня оттуда весть. Какой поступок после тридцатилетних дружеских отношений! Мне кажется, настоящие друзья так не должны делать. Дружба требует прежде всего проверки каждого действия друга, если оно не совпадает с твоим. Я на вашем месте сначала запросила бы нас о причинах ухода, а потом уже вынесла бы свой приговор, если таковой уж так необходим. Если бы я еще так недавно не видела от вас такой заботы и доброты к себе, то я просто не стала бы отвечать вам.

Дорогой Собратье, я прочел Ваш
 рассказ "Корсма на брашник" и
 хочу Вам сказать о той радостной
 радости, которую испытываю я: если
 исключить последнюю фразу этого рас-
 сказа ("погас занавес"), он принадле-
 жит к лучшим русским расска-
 зам русской литературы.
 Привет, всего добра!
 15. IX. 47 Ив. Бунин

[ОТКРЫТКА БУНИНА К. Г. ПАУСТОВСКОМУ 15 СЕНТЯБРЯ 1947 г.

Автограф

Собрание В. В. Навашинной-Паустовской, Москва

«Вы ушли в официальном порядке из Союза писателей с теми, кто взял советские паспорта», — пишете вы. Но члены Союза с советскими паспортами не могли не уйти после изменения его устава, а по уставу прежнему могли быть членами и они, как был им (и даже в Правлении) Осоргин, имевший советский паспорт и не пожелавший стать эмигрантом. Ушли же по собственной воле члены Союза, имеющие нansenовские паспорта, и члены с разными иностранными паспортами, не пожелавшие изменять устава Союза. И ушли, вероятно, по разным мотивам. Но главное потому, что Правление Союза вело себя так на последних двух заседаниях, что я, например, потеряла к нему всякое уважение. А как оставаться членом общества, когда не уважаешь почти все Правление? Обнаружилось, что генеральный секретарь не знает устава Союза, выяснилось, что был пристрастно составлен протокол предыдущего собрания, подстроенно было «липовое» большинство на последнем заседании, — мы даже в лицо не знали, что это за люди, откуда они? Потом мне объяснили, что было много лиц, которые из бедности получали билет из Союза для дешевой карты, на заседания прежде никогда не являвшиеся, завербовали, конечно, много и новых членов с мая по ноябрь. <...>

Я считала дурным делом Союза затею так или иначе избавиться от членов, взявших советские паспорта, — их было всего человек двенадцать на сто тридцать восемь. Мне было известно, что, если пройдет изменение устава, так как по уставу нельзя было никого исключить, то все младшее поколение писателей уйдет из Союза. Союз перестанет быть союзом, как жизнь и подтвердила. Теперь Союз есть скорее всего содружество «Русской мысли». <...>

Далее вы пишете: «Я чувствую ваш крестный путь...» Что значат такие громкие слова? Мы живем, как жили. Ничего нового с нами не произошло. И как были эмигрантами, так и остались, ни на какие при- манки никуда не пошли.

Но лишить меня права быть в том или другом Союзе никто не может.

На этом В. Н. Бунина закончила копию своего письма, кратко досказав его содержание в приписке, обращенной к Полонским. Заканчивается приписка следующими словами: «Союз неприемлем многим своим мягким отношением к коллаборантам, и, как пример, указываю, что на общем собрании секретарем был человек, носивший четыре года гитлеровскую форму» (№ 2).

В письме к Л. А. Полонской (№ 4) В. Н. Бунина написала: «Несмотря на телеграмму от „Верховной Судии“ <то есть от М. С. Цетлин. — А. Д.>, письма мы до сих пор так и не получили. Зато получаем много писем о ней, нельзя сказать, что лестными эпитетами награждают ее наши друзья и знакомые. А из Америки пишут, что ее сбили с толку <...> правоверные антибольшевики — и возмущаются „за глупый и гнусный поход на Ивана Алексеевича за его выход из Союза“». А в письме к М. А. Алданову (№ 3) она объясняет молчание М. С. Цетлин тем, что «значит, трудно ей писать ответ или нужно с кем-то советоваться». И далее В. Н. Бунина приводит выдержки из полученных ими писем — не только из Америки, но и из Парижа («Здесь все возмущены невероят-но»).

В. Н. Бунина знала, конечно, что в эмигрантском Париже далеко не все разделяли это возмущение. «Русская мысль» не раз выступала против Бунина. Одним из наиболее резких выпадов был фельетон «Ему, Великому», появившийся в конце 1948 г. после литературного вечера Бунина, на котором он читал свои воспоминания о писателях¹⁹. Этому анонимному фельетону была дана резкая отповедь в «Русских новостях». В завязавшей полемике автор фельетона назвал себя — это был С. В. Яблоновский, который заявил, «что его „гротеск“ был не столько вызван желанием поддеть бунинскую „гордыню“ или высмеять автора „Митиной любви“ за „промыывание косточек“, сколько (это „еще важнее — самое важное“, — подчеркивает г. Яблоновский) тем, что в свое время Бунин вышел из того Союза писателей, идеологом которого стал нынче г. Яблоновский»²⁰.

В несомненной связи с выходом Бунина из Союза находится и факт разрыва с ним его старого приятеля (еще со времен телешовской «Среды») Б. К. Зайцева, возглавлявшего в это время руководство Союза.

Таким образом выход Бунина из Союза писателей еще раз подтвердил наличие раскола в русской эмиграции. И как ни старался сам Бунин отрицать политический смысл своего поступка — в его обсуждении, в диаметрально-противоположных оценках его выявилась именно политическая сторона дела, а не только возмущение моральной нечистоплотностью руководства Союза. И еще один вывод следует из всего этого эпизода — о тогдашних позициях самого Бунина. Хотя после 1946 г. Бунин уже не стоял «на тех максимально близких к нам позициях, на которых он был в то лето»²¹, ему и тогда было не по пути с «правоверными антибольшевиками». Как известно, до конца жизни он не принимал участия ни в каких антисоветских политических акциях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Материалы», стр. 235.

² Настоящ. том, кн. 1, стр. 688.

³ Открытка, находящаяся в собрании А. Я. Полонского (Париж). Цит. по ксерокопии, любезно предоставленной им «Литературному наследству».

⁴ Обширная корреспонденция ТАСС о новой эмигрантской газете была помещена в «Правде», в номере 26 мая 1947 г. (перепечатана полностью в «Русских новостях», 1947, № 105, 6 июня).

⁵ Машинописная копия этого письма хранится у А. Я. Полонского. Цит. по ксерокопии, переданной им через «Лит. наследство» в Отдел рукописей ГБЛ.

⁶ Там же.

⁷ «Материалы», стр. 252.

⁸ Напомним, что Эльза Триоле сыграла некоторую роль в налаживании послевоенной переписки Бунина с Телешовым (см. настоящ. том, кн. 1, стр. 625).

⁹ «Русские новости», 1946, № 59, 28 июня.

¹⁰ «Из записей о Буине». — Константин С и м о н о в. Собр. соч. в шести томах, т. 6. М., 1970, стр. 739—750.

¹¹ См. «Материалы», стр. 237.

¹² К этому решению Бунин пришел по-видимому в ноябре 1946 г. А 6 декабря было напечатано его письмо в редакцию: «Весьма прошу редакцию „Русских новостей“ дать место моему заявлению, что появившееся в некоторых французских газетах сообщение о моем отъезде в Россию лишено основания» («Русские новости», 1946, № 82, 6 декабря).

¹³ Вскоре его сменил П. Н. Милюков, возглавлявший Союз более 20 лет. После смерти Милюкова председателем Союза стал Б. К. Зайцев.

¹⁴ Все эти письма были переданы в 1969 г. А. Я. Полонским в ГБЛ; редакция «Лит. наследства» получила от него любезное разрешение использовать их в томе, посвященном Бунину. В дальнейшем при цитировании перечисленных писем в тексте указываются только их номера.

¹⁵ Подробная информация об этом собрании, озаглавленная «Покушение с негодными средствами», была помещена в «Русских новостях» (1947, № 104. 30 мая).

¹⁶ Цит. по машинописной копии, снятой с подлинника В. Н. Буниной (ГБЛ, ф. 503).

¹⁷ Генеральным секретарем Союза был В. Ф. Зеелер.

¹⁸ О сотрудничестве И. С. Шмелева и некоторых других эмигрантов с фашистскими оккупантами сообщалось в корреспонденции ТАСС, опубликованной в «Правде» (см. примеч. 4).

¹⁹ См. об этом фельетоне в воспоминаниях В. М. Зернова (настоящ. кн., стр. 359—360).

²⁰ А. В. Бахрах. По поводу одного пасквиля. — «Русские новости», 1948, № 185, 17 декабря.

²¹ Слова К. М. Симонова (см. его очерк «Из записей о Буине», стр. 741).